

Выбор Елены, или Яблоко из садов Гесперид

Елена

Девы играют в мяч на цветущем лугу. Они ловят упругий круглый мячик, прижимая его к животу, как младенца, и снова кидают, и смеются, как дети, на лугу, поросшем крокусами, нарциссами и гиацинтами, цветами благовонными, блестящими ярко. Я бросаю мячик вместе с ними, а потом, устав, укрываюсь в тени молодых оливок, чтобы полуденное солнце не сожгло мою нежную кожу. Мне не хочется огорчать благородных мужчин, лишая их возможности наслаждаться видом — одним только видом! — моей нежной, золотистой, матовой кожи. А мои глаза — большие, окаймленные пушистыми ресницами; мужчины сходят с ума, стоит мне только взмахнуть ресницами, как бабочками. И тут же впиваются мне в губы — одним только взглядом в мои мягкие, сочные, алые губы, так, словно желают укусить, напиться их соком как нектаром спелых вишен. Но взгляд мужчин не останавливается, он скользит дальше, к моей груди — совершенной, бесподобной, недаром по ее форме изваяли чаши для храма пеннорожденной Афродиты. Истрадавшиеся мужи утоляют в чашах свою жажду, пусть они схватят их крепко, пусть погрузят в них иссохшие губы. Мою грудь не испортили ни беременность, ни кормление малышки моей, Гермियोны, солнышка моего золотокудрого; няньки за ней присмотрят.

А мне хочется пить! Какая жара на этом острове! Ахейцы, честно сказать, такие мужланы. Они считают, если женщина замужем, так ей уже и слова нельзя сказать. Только смотрят, как голодные собаки, буд-

то раздевают своими жадными взглядами, и молчат. Грубые, грязные варвары! Впрочем, вчера в храме Афродиты тот юноша, он, кажется, нездешний, был совсем другой. Он смотрел на меня с восхищением — с восхищением, а не с жадностью! Он одаривал, а не воровал как голодная собака, как эти вонючие ахейцы. Интересно, откуда он? Но как же хочется пить...

Я, кажется, задремала в тени олив под полуденным солнцем, на лугу, поросшем цветами, блестящими ярко. А проснулась от нежного прикосновения руки. Рядом со мной сидел давешний молодой человек.

— Я принес тебе яблоко, царица, — улыбнулся он, — хочешь?

Он смотрел на меня в упор, и во взгляде его было уже не восхищение, а преклонение, не почтение, а желание, не уважение к замужней женщине, а жаркая страсть. Он смотрел на меня в упор, и его взгляд разжигал в моем теле ответный огонь, которому я не могла, не хотела, не стала сопротивляться. Я отдалась сладкой волне желания, позволила ей подхватить меня, поднять на пенный гребень, как рожденную из одного только семени отца и выношенную морем Афродиту, и потянулась ему навстречу. «Стой, — кричал голос глубоко внутри меня, — одумайся! Ты же мужняя жена, у тебя дочь! Остановись сейчас же!»

— Хочешь? — повторил юноша, протягивая мне яблоко.

— Хочу, — улыбнулась я.

Конечно, я хочу, хочу это сочное яблоко, хочу всего тебя, как ты хочешь меня. Я махнула рукой на занудный глухой голос и бросилась в объятия любимого. Я засыпала, утомившись ласками, и просыпалась в его объятиях, когда он принимался осыпать меня поцелуями. А когда желание будило меня раньше него, я сама принималась ласкать его нежно. Изобретательные и искусные любовники, мы придумывали сотни игр и любовных шалостей, и нам не надоедало общество друг друга, сколько бы раз Эос не простирала розовые персты над нашим пологом, и сколько бы раз златокудрый Фебос не заглядывал, бесстыдный, в нашу опочивальню. Кажется, мы куда-то шли, или ехали, или плыли, я помню эти мгновения как в тумане, сквозь зеркало его глаз, сквозь кольцо его рук. Мчались дни, я не считала дней, дни сливались с ночами, месяцы скользили вслед за месяцами, и, быть может, годы осыпались с нашего полога один за другим, как сухие дубовые листья. Я забыла все, что находилось за стенами нашей спальни. Зачем мне солнце и луна, когда мне светили его глаза, зачем мне небесный свод, когда нас укрывал полог нашего ложа, зачем ручьи, когда он покрывал мне лицо поцелуями. Пусть рушится, горит, тонет, тает мир — я счастлива, пока со мной мой возлюбленный. Пусть гремят трубы, горят шелковые занавески, пусть звенит медь и рушатся стены. Я не хочу знать. Я живу, пока лежу в его объятиях.

Мой мир рухнул, когда возлюбленный мой исчез.

Спальня была пуста, и я лежала одна под скомканными простынями. А дверь трещала и ломалась под ударами ног.. О, эти мужланы с их грубыми волосатыми лапами, в запачканных грязью и кровью одеждах! Не прикасайтесь ко мне! Не троньте! Я...

...Он не дал им коснуться меня. Выгнал их из спальни и, с оголенным мечом, огромным и страшным, как фаллос, подошел ко мне. Я зазмурилась, ожидая последнего удара.

Нескоро он спросил:

— Ты помнишь меня?

Я кивнула. Когда-то этот человек был со мной, это он был со мной до моего подлинного рождения, до того, как я встретила своего возлюбленного, и он вернулся и убил его. Он пришел за мной.

Он вытащил меня из разоренной постели, вынес из рушащегося дома, унес из горящего города, который грабили его приятели.

Воины смеялись и улюлюкали, завидев его:

— Ты нашел ее, Менелай? Свою старую шлюху? Доволен ты теперь?

Женщины завывали ему вслед:

— Отдай царскую подстилку нам! Мы выцарапаем ей глаза, мы вырвем ей волосы, мы в ключья раздерем ее грудь! Отдай ее нам, Менелай, коли ты не можешь отдать нам наших отцов и мужей!

Он вынес меня из горящего города, далеко, туда, где выжженная земля сменилась заросшим ромашками и маками лугом, уложил среди цветов и спросил, после всего, что было, после лет любовного упоения другим, он спросил, хочу ли я его. И я сказала «да», я сразу сказала «да», сердце у него колотилось, и я сказала «да я хочу, да».

Елена

Девы играют в мяч на цветущем лугу. Они ловят упругий круглый мячик, прижимая его к животу, как младенца, и снова кидают, и смеются, как дети, на лугу, поросшем крокусами, нарциссами и гиацинтами, цветами благовонными, блестящими ярко. Я бросаю мячик вместе с ними, а потом, устав, укрываюсь в тени молодых олив. Как хочется пить! Кажется, припала бы к собственной груди, все еще сочащейся молоком для моего сокровища, моей златокудрой Гермiony; когда уже ее няньки принесут? С тех пор как уехал Менелай, я сама не своя, словно меня рвет на части неведомая сила. Великая Гера, помоги мне! Какие страшные мне снятся сны: то я мчусь на колеснице без возничего, и лошади несут, не разбирая дороги, прямо к пропасти; то я бегу по полю за дочерью, а она убегает и уже затерялась в высокой траве, и если я не найду ее сейчас, то не найду уже никогда, а я никак не могу ее отыскать — она совсем рядом, я слышу ее золотистый смех, бегу к ней сквозь колючую траву, и не нахожу, и понимаю, что не увижу ее больше никогда, и просыпаюсь в холодном поту... А то мне снится бушующее море, я плыву по нему в крошечной дырявой лодчонке, попеременно то гребу тяжелым деревянным веслом, то вычерпываю ладонями воду и больше всего боюсь заснуть в этом моем сне или потерять сознание и пропасть среди волн, так и не достигнув еще невидимого берега, где меня ждут самые дорогие и любимые мои люди. Но еще больше я боюсь, что плыву не в ту сторону, и все это время удаляюсь от них, не слыша их криков и не видя, как они машут мне с земли, только волны, высокие волны вокруг меня, и надо грести, пока хватает сил, и еще дальше, и еще...

Я снова видела этот сон, задремав в тени олив, и проснулась, как от удара. Меня держал за руку незнакомый юноша.

— Я принес тебе яблоко, царица, — сказал он. — Хочешь?

Юноша в упор смотрел на меня. Мне было так неловко, что он видел меня спящей, хотелось подтянуть колени, укрыться плащом от его ненасытного взгляда. И вдруг я, не веря своим ушам, услышала собственный голос:

— Хочу, — произнесли мои губы.

Мои губы? Я едва удержалась, чтобы не поднести руку и не потрогать их. «Стой, — закричала я сама себе. — Одумайся! А как же Менелай, Гермiona! Что ты делаешь?» Мне казалось, я переживаю кошмар наяву. Словно со стороны, цербер раздери, это и было со стороны, я наблюдала, как я, накажи меня Гера, бросаюсь в объятия чужеземного юноши, и он на руках несет меня к берегу, где его, конечно же, поджи-

дает одноярусный быстрый корабль. Онемев и оочечнев, я гляжу, как монера на легких веслах отплывает с нашего острова, поднимает полоусатый парус и исчезает за мысом. А я задохнулась и упала на заросшую цветами землю.

В чувство меня привели хлопки по щекам. Открыв глаза, я увидела — меня, с недовольным видом нагнувшуюся надо мной.

— Очнулась наконец, — спокойно произнесла я, смотрящая на меня.

— Ты вернулась, — облегченно выдохнула я, стараясь сесть. После обморока голова у меня была легче тонкостенной амфоры из красной глины, я воспринимала происходящее без изумления и только радовалась, что все закончилось хорошо. — Какая ты молодец, что все-таки вернулась!

— Нет, — вздохнула другая я, — та дура не скоро очухается от любовной лихорадки, если очухается вообще. Только не вздумай снова падать в обморок, — быстро добавила другая я, заметив, что меня качнуло, — ты мне нужна соображающей. Хотя и немного.

— Что происходит? — я наконец смогла ответить. Сердце бухало у меня в груди, а в голове кружились пустые обертки мыслей.

— Нас стало трое, — спокойно сказала другая я, будто это было что-то само собой разумеющееся. — Знаешь легенду об андрогине — человеке, совмещающем в себе и мужчину, и женщину? Потом боги будто бы разделили его, и с тех пор люди бродят по земле, стремясь воссоединиться со своими половинками, — другая я хмыкнула, — половинками! Как же! Скажем лучше, четверть досталась ему, и тут уж как повезет, бывают мужики из сердца, больше — из головы, а меньше всего, ладно уж, как бы им ни хотелось обратного, меньше всего — из фаллоса. А три четверти того андрогина достались женщине. То есть нам. Вот у нас с тобой и с той глупышкой, что живет только, гм... страстью, было одно тело на всех. И мы неплохо в нем ладили — страсть, чувство и ум. Но когда одну из нас увлекло наслаждение, другую удержала семья, а я на беду увлеклась, гм... глубокими мыслями и проспала эту душераздирающую — ха! — сцену. В итоге случилось то, что случилось — как ты видишь, нас стало трое!

Я вскочила на ноги, едва не столкнувшись лбом с другой я.

— Тогда я побегу в дом, и пусть эта шлюха, третья я, уехала, никто ничего не заметит.

— Нет, — удержала меня другая я, — позволь мне объяснить. Ты можешь вернуться в дом, и даже если Менелай обратит внимание на твою холодность в постели, он в претензии не будет — в конце концов, ты останешься заботливой женой и матерью. Наша третья утопает в наслаждениях и не вынырнет из них, пока ее за уши не выдернешь. Я тоже не пропаду — пойду в амазонки, и дело с концом. И все же мы должны быть вместе. Не хочу тебя огорчать, ты, конечно, любящая мать и желаешь добра Гермione, но даже ты со своей заботой и я — если не присоединюсь к амазонкам, а отправлюсь в храм Артемиды, — когда придет время, научу девочку мыслить, даже мы с тобой вместе не сможем вырастить ее женщиной. Поверь мне, мы должны быть вместе, все троим — для нашей Гермioneы.

— Зачем девочке шлюха? — вскипела я.

— Видишь, ты уже начинаешь. Начинаешь быть вздорной клушей и ханжой. Вспомни: троим мы были цельным. А теперь, по отдельности, только осколки: у меня — мозги, у тебя — сердце, а у нее — гм... ну, в общем, и ей кое-что досталось. Мы должны объединиться снова, — другая я взяла меня за руку.

Я нехотя кивнула.

— И что ты предлагаешь? Расскажем все Менелаю? Ведь он захочет помочь нам... мне?

— Не думаю, — покачала головой другая я, — во-первых, он не поверит. Во-вторых... как ты думаешь, что ему проще — имея неплохую жену под боком, отбивать женщину, даже самую страстную и прекрасную, у другого мужчины, к тому же из благородного рода, с кучей родни и неплохим войском, и никому невозможно ничего объяснить, зачем он в это дело ввязался; или же удовольствоваться твоей заботой и теплом, а для изысканных наслаждений изредка ездить на Крит на недельку-другую. Ты знаешь, каким штукакам обучают там мальчиков и девочек? — другая я перехватила мою руку, взлетевшую к ее щеке. — Не надо, я быстрее тебя. Ты с его отлучками скоро смиришься, и сама будешь собирать ему одежду туда и стирать, когда он будет возвращаться оттуда. А уж что ты будешь при этом говорить Гермione, чему ты будешь ее учить... даже не пытайся, — другая я снова перехватила мою руку. — Менелаю ничего не скажем. Сделаем вот что. Сейчас, прямо сейчас, не заходя в дом, садись на корабль и отправляйся на Фарос, в Египет. Если кто и поверит в нашу историю, так это старик Протей, вечно меняющийся и обычно неуловимый Протей. Как ему не поверить, что я разделила себя натрое! Ты попросишь у него крова, и он не откажет. Поживешь у него, пока я все не устрою. Перес-трою, расс-трою, разрушу-трою... — ей, кажется, было смешно.

— А как же Гермione? — хотела сказать я, но слова застряли у меня в горле.

— Все будет хорошо, ложись на меня. Мы расхлебаем эту кашу.

Другая я крепко обняла меня, и мы расстались.

Словно во сне, я плыла через море к Протею, одна, как в сбывшемся кошмаре, уплывала от дочери и любимого мужа, чтобы, если верить другой мне, вернуть себя и их.

А я верю мне. Помогаю Протею по хозяйству. Старик, кажется, привязался ко мне и по вечерам, когда я сажусь к огню ткать, рассказывает свои бесконечные истории, все про то, как он обманывал героев — Пелея, Аристея, даже Геракла. Старик скромно умалчивает, что каждый раз герой все же ловил его и добивался своего.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, здесь, на Фаросе, время тянется так быстро и летит так медленно, что я и не пытаюсь считать дни, месяцы и, наверное, годы. Я провожаю вечернюю и встречаю утреннюю Эос на берегу моря, вглядываясь, когда же приплывет корабль с мужем и другими я. И каждую ночь я вижу все тот же сон, я ворожаю сухую колючую траву и ищу моих любимых. Я бегу за их голосами, а те то смолкают, то снова звучат, призывая меня:

— Мама!

— Любимая!

— Елена!

Елена

Девы играют в мяч на цветущем лугу. Они ловят упругий круглый мячик, прижимая его к животу, как младенца, и снова кидают, и смеются, как дети, на лугу, поросшем крокусами, нарциссами и гиацинтами, цветами благоуханными, блестящими ярко. Я бросаю мячик вместе с ними, а потом, устав, укрываюсь в тени молодых оливок и спокойно засыпаю. Светит солнце, поют жаворонки, цветы кивают благоуханными головками. Кто бы мог предположить, что проснуться мне предстоит от

жуткой головной боли и криков, разрывающих меня на части. Приведа мысли в относительный порядок, я обнаруживаю, что, во-первых, стою здесь, охватив голову руками; во-вторых, хихикаю, повиснув на шее смазливого красавчика, несущего меня к своему кораблю; и, в-третьих, ломаю руки, глядя на них. Благословенная Афина! Я разделилась натрое! Красавчик соблазнил меня золоченым яблоком, и сладострастная я не устояла. Ха, если когда-нибудь в какой-нибудь глупейшей истории ЖЕНЩИНА решит соблазнить мужика яблочком — тем же самым яблоком из сада Гесперид, сада Западного Предела! — он соблазнится весь, от мозгов и до фаллоса, и бараном побежит за ней, да потом еще и ее во всем обвинит. Я же, благодарение богам, соблазнилась не вся. И валить ни на кого не буду, а буду эту кашу расхлебывать. Не знаю — как, но одно мне ясно — нам надо воссоединиться. Не хватало еще завести породу женщин, живущих только одним местом, будь то сердце, мозги или гениталии. Это будет похуже подвига Пандоры. Если эта беда и случится, то не здесь и не сейчас. Не через меня. Не меня будут проклинать убудочные женщины и немногие разумные мужчины.

Хорошенький же смысл жизни обрела я неожиданно-негаданно на лугу, поросшем цветами, блестящими ярко.

Я получу нашу красавицу обратно — вот дура, не могла прямо тут совокупиться, и дело с концом — и уговорю нашу женошечку. Афина, благослови!

Придется подключать Менелая, да один он, пожалуй, не справится. Любовничек-то наш — троянский царевич, хоть и младшенький, придурочный! Значит — падем в ножки нашему шурину, великолепно-му Агамемнону. Мужик задвинут на власти, вот пусть и покуражится. Пусть всех моих бывших женихов соберет, припомнит клятву, которую они на моей свадьбе давали, и за мной, неверной, отправится, меня, соблазненную, спасать и возвращать законному мужу.

Кажется, был среди них один посмышленнее. Пожалуй, я смогу ему иногда что-нибудь подсказывать, на ухо нашептывать.

Как в военный лагерь проберусь? Брось, девочка, не с твоими мозгами об этом беспокоиться. Оденешься мальчиком и будешь Одиссею оружие подносить. Для той, кто родилась от лебедя, а потом живьем разделилась натрое, это не проблема. Вот будет забавно, когда вся эта свора начнет воевать за красавицу, а та у них под носом шиты чистит и посуду моет. Ну, иногда может и мечом помахать. За себя, прекраснейшую. Я ведь и мечом умею махать, не только румяна накладывать да пленки менять.

Что еще? Что еще я должна сделать? Любящую отправлю Протею на Фарос. Старик-оборотень ее приголубит, пригреет, а потом, коли дело сложится, поможет нам собраться воедино. Кроме него, пожалуй, помочь нам некому.

Только о том, что я с ним на Фаросе, рано или поздно узнают. Эх, Греция, благослови ее бессмертные боги, какая же деревня! Все только и делают, что совокупаются, да треплются, кто с кем совокупился, да разноухивают, с кем бы еще совокупиться. Надо распространить вспомогательную версию моего похищения. Итак, если по основному сюжету я буду шлюха и изменщица, хоть и прекраснейшая из женщин, по другой, гм-м... По другой версии с Парисом отправится призрак, тень, а я останусь верной женой, унесенной от супостата, и стану ждать-дождаться мужа, пока он закончит свои героические мужские дела и найдет меня одинокой и незапятнанной. Тут, пожалуй, есть логические неувязки — чего ради тогда вся буча? Зачем понадобилось отсылать меня на Фарос — кстати, кто меня отослал, Гера? — зачем Гере понадоби-

лось скрывать меня от мужа, коли она такая уж защитница семейного очага? Зачем ей создавать этот разнузданный фантом? Ну да ладно. В дела богов смертным дорога заказана. Особенно в дела богинь.

...А потом я, все три меня, соберемся вместе на Фаросе, в доме вечного изменчивого Протея, и принесем жертвы трем нашим богиням, которые суть одна, и сами станем одною сутью, той, кем мы были и кем мы будем, от века и во веки веков. Женщиной.

Афина, благослови! Гермiona, звездочка моя ясная, девочка моя! У меня все получится.

И я принялась приводить в чувство себя, лежащую среди цветов благовонных, блестящих ярко.

ОБ АВТОРЕ:

БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ Татьяна

Прозаик, переводчик, визуальный поэт, филолог, исследовательница литературного и художественного авангарда. Родилась в Симферополе. Закончила Московский физико-технический институт и французский университетский колледж. Работала в Объединённом институте ядерных исследований (Дубна), издательствах «Мастер», «Свента», «Грантъ». Кандидат филологических наук. Член исполнительного комитета International Symmetry Association (ISA). Автор учебного курса комбинаторной литературы (гуманитарный факультет МФТИ). Организатор Первого австралийского фестиваля русской литературы «Антиподы». Автор многочисленных публикаций (проза, визуальная поэзия, переводы) в России и за рубежом, книг прозы «День рождения» (1998) и «Мартовские мозаики» (2002). Гражданка Австралии и России.